

Сергей Фирсов

К ВОПРОСУ О МАРГИНАЛИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИИ

Чем дальше уходит в прошлое коммунистическая эпоха с ее безусловным атрибутом — обязательной антирелигиозной идеологией и практикой, — тем яснее становится очевидная, но от этого не менее значительная истина: смена политических парадигм и изменение общественных приоритетов неминуемо вызывают к жизни историческое мифотворчество. Цель его не так проста, как представляется на первый взгляд: творцы новых мифов не столько хотят объяснить (то есть оправдать) прошлое, сколько использовать его для строительства будущего, разумеется, как они его понимают.

Мифотворчество существовало во все времена: прежнее часто воспринимается как канувший в лету «золотой век». Невозможность восстановить утраченное во всем прежнем великолепии вполне естественно заставляет реконструировать «дела давно минувших дней» на новой, «испорченной» потомками, почве. То, что почва испорчена, сомнений не вызывает (день сегодняшней самим фактом своего бытия уже доказывает это); дело в другом: возможно ли (и как) восстановить утраченную гармонию? Надежда на чудо в подобной ситуации более чем понятна (в конце концов вера — излюбленнейшее детище чуда). Остается только определить ориентиры, при помощи которых возможно выйти на правильный путь и реконструировать потерянное в бурях революций и перестроек прошлое. Собственно говоря, эти ориентиры (равно как и метод их определения) позволяют нам разобраться в том, насколько и почему человека можно называть «маргиналом» и «мифотворцем» (имея в виду, что всякий не исторический рассказ, выдаваемый с корыстной целью и бездоказательно за истинный, есть миф). В качестве критерия здесь вполне корректно использовать понятие нормы — как средства социальной регуляции поведения конкретных лич-

ностей и целых групп. В разных обществах понятие «социальной нормы» различное. Даже в советском «классовом» и в советском «общенародном». Посткоммунистическое общество России также изменило свое понятие о нормальном, в частности, перестав смотреть на верующего как на маргинала. Однако главное осталось неизменным: большинство, как и раньше, воспринимает себя в качестве граждан, обязанных следовать в жизни правилам, установленным государством, разделяя (по крайней мере, декларативно) его основные установки.

Маргинал же, как правило, тем и отличается от «рядового гражданина», что имеет нетрадиционный (нетипичный) взгляд на социальные нормы своего общества, а порой даже убежден, что знает (как ему кажется), каким образом возможно утвердить свой ценностный стандарт и тем самым спасти страну или «охранить от поругания» истину. Прошлое в таком случае служит оружием; с его помощью не стремятся найти «историческую правду» — ради пресловутой объективности, а доказать очевидные для маргинала представления, проиллюстрировать их. Этим фактом история обрекается на роль заложницы мифа, в свою очередь призванного оказывать воздействие на массовое (по возможности) сознание.

Неоднократно упомянув слово «маргинал», очевидно стоит вспомнить и о традиционном определении явления «маргинальности». Происходящее от латинского *marginalis* (находящийся на краю), это слово характеризует относительно устойчивые социальные явления, возникающие в результате расшатывания нормативно-ценностных систем под воздействием различных контактов, социальных и технологических сдвигов и т. п. факторов. В СССР перестройка знаменовала собой начало процесса смены прежних парадигм мышления. Революция 1991 года завершила начатое, структурно разрушив прежнее общество до основания. Однако, как и любая революция, она не смогла в одночасье создать «нового человека». Старые коммунистические ценности, в глазах большинства девальвированные прежним режимом, были снесены «на свалку истории», причем в такой спешке и с такой горячностью, что это напоминало желание переписать прошлое, психологически воспринимавшееся как грандиозная политическая ошибка.

Впрочем, неудачные реформы достаточно быстро изменили градус общественного мнения и пробудили ностальгию по недавно потерянному, обратив внимание не на коммунистическую суть прежнего государства, а на его исключительное величие. В глазах критиков новой России имперская сущность СССР стала восприниматься как ценная сама по себе, часто вне связи с марксизмом. Психологические aberrации — не такое уже редкое явление. Здесь важнее отметить иное: проблема маргинала состоит в том, что он, как правило, находится между двумя системами ценностей: той, которую покинул (в нашем случае советскую), и той, в которую не вписался (то есть в посткоммунистическую российскую). Результат — ценностная дезорганизация, чем дальше, тем больше заставляющая маргинала задумываться над созданием своего мира, со своими правилами, языком, системой противопоставлений и т. п. В современной России для многих маргиналов (в том числе и прежде всего, маргиналов религиозных) основой для противопоставления себя современной системе «либеральных ценностей» стала идея реанимации (воссоздания) «великой России». В разных маргинальных слоях величие страны ассоциируется с «разными Россиями» — как с дореволюционной, так и с советской. Проблема, на мой взгляд, заключается не в этом: главное — мифотворчество, лежащее в основе любых реконструкций. На фоне глобальных профанаций нашего времени (достаточно вспомнить «историческую» концепцию академика А.Т. Фоменко) стремление создать по-своему «правдивую» историю России не воспринимается как серьезный криминал. А между тем создание исторически заданных, хрестоматийно правильных, но исторически недостоверных картин опасно прежде всего с религиозной точки зрения, ибо приучает человека воспринимать мир в мифологических категориях, не задумываясь над тем, насколько и как это может вредить и авторитету Церкви, и его, человека, собственной вере. Старое, столь любимое большевиками, правило деления мира на врагов и друзей, как ни странно, находит себе применение при обращении маргинала к истории.

Классическое и, увы, давно не новое подтверждение сказанному можно найти в истории пресловутого сибирского «старца» Григория Ефимовича Распутина. Так называемые истинные христиане Катакомбной Русской Православной

Церкви на своем «Освященном Соборе епископов» 11 (24) февраля 1991 г., на закате перестройки, приняли несколько постановлений о причислении к лику святых. Среди причисленных ими к лику святых (священномученик патриарх Тихон, священномученик протоиерей Иоанн Кронштадтский и исповедник патриарх Никон) значился и «мученик Григорий, наставник Царской семьи Романовых». «Известность святого мученика Григория (Распутина) среди народа Божьего в России, как наставника будущих Царственных новомучеников и исповедников, сделала его ходатаем перед православным Царем за народ русский, страдавший от искушений и смущений, посеянных масонами разных толков, — говорится в «Деянии... о канонизации святого мученика Григория». — Бессребреник и чудотворец, друг Царской семьи, Григорий Распутин встал на пути разрушения богоустановленной православной Царской власти в России и потому, как показывают исторические свидетельства участников, он был убит в результате заговора масонской ложи, чем и прославил Русскую Церковь в апокалиптическое последнее время»¹. Это, очевидно, первое по времени, свидетельство о «святости» сибирского странника, заявленное «ревнителями» чистоты истинного православия. Прецедент был создан. Надуманная святость Григория Распутина обязывала не только переписывать его биографию, по сути, создавая ее заново, но также и переосмысливать историю того времени, создавая совершенно далекий от реальности мифологизированный образ монархической России. Одно с неизбежностью влекло за собой другое — по существу пересмотр истории предреволюционной России якобы с «православной» точки зрения. «Православность» же, как правило, не идет далее подбора материалов, доказывающих, что Россия, «которую мы потеряли», могла избежать революционных катаклизмов, имея все шансы и далее блестяще развиваться и укрепляться. Вывод о «темных силах», спровоцировавших великое падение империи и гибель Царской Семьи, в такой ситуации вполне естественен и по-своему логичен. Подмена неизбежно должна привести к реконструкции «истинной истории», в которой не только Распутин, но и другие исторические персонажи переживут «второе рождение».

¹ Архив автора. «Деяние» было подписано тремя лицами, называвшими себя епископами: Исаакием (Анискиным), Иларионом (Светловым) и Антонием (Ильичевым).

Проведенная катакомбниками в 1991 г. пресловутая «канонизация» Григория Распутина сегодня находит много последователей среди православных маргиналов, демонстрирующих свою ортодоксальность столь откровенно, что в пору задуматься об их юрисдикционной принадлежности. В самом деле, как понимать книгу Т.И. Гроян «Мученик за Христа и за Царя Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлаго Отрока» (М., 2001)? Ведь эта книга — не что иное, как житие «оклеветанного старца», с его иконой на обложке и с акафистом в конце. По слухам, эта книга выпущена с благословения весьма почитаемого в России старца — священника Н.¹ Если это так, то комментировать здесь нечего, к тому же мирянин Григорий Распутин на иконе кощунственно изображен в схимническом одеянии и с наперсным крестом. В церковной книге подобные «упущения» недопустимы, точно так же, как рассуждение в светской литературе о сибирском страннике как об одном из самых одаренных русских духовидцев, когда-либо приближавшихся к русскому трону². Распутин — герой политической истории страны, именно поэтому история его «духовной жизни» менее всего интересовала (и интересует) ученых. Другое дело — правомерен ли подобный подход с церковной точки зрения. Полагаю, что правомерен. В контексте истории русской святости рассматривать личность и дела Григория Распутина вряд ли возможно: он не был подвижником веры и благочестия как в глазах «безбожной интеллигенции», так и в мнении русских церковных деятелей конца XIX — начала XX вв. Те из них, кто первоначально признал в Распутине «старца», как известно, потом горько разочаровались.

По большому счету, дело не в Распутине, а в том, что символизирует его имя в представлении новых почитателей. Для них Распутин — жертва, принесенная за Россию, «старец», ритуально убитый врагами России. «Представьте, — пишет современный автор-составитель работы «Оклеветанный старец» И.В. Евсин, — какое всемирное зло ополчилось на Распутина, если решение о его дискредитации было принято в Брюсселе, на Всемирной ассамблее масонов»³. Схема

¹ См.: *Козырев Ф.Н.* Распутин, которого мы потеряли. СПб., 2001. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ *Оклеветанный старец (Исторические свидетельства о Г.Е. Распутине).* Автор-составитель И.В. Евсин. Рязань, 2001. С. 77.

до убожества проста: некие злые силы решили известить великого в простоте и праведности своей старца и с этой целью затеяли кампанию против него, тем самым дискредитируя и Царскую Семью (недаром Распутина называли «другом царей»!). Историческая «правда» добывается маргиналами преимущественно через разоблачение клеветников — и прошлого, и настоящего, и невольно заблуждающихся, и сознательно лгущих. В кратком послесловии к своей обширной книге Т. Гроян, например, специально указала, что используя в качестве источника книгу дочери сибирского «старца» Матрены («Распутин. Воспоминания дочери». М., 2000), она имела в виду, что «определенные ее части... целиком ложны», «но верующее сердце способно отличить правду от лжи»¹. Критерием истины оказывается «верующее сердце», помогающее отделить пшеницу от плевел. Комментарии в данном случае, полагаю, излишни. Разоблачать правдолюбцев — дело бесперспективное; они не исследователи, скорее — обвинители и адвокаты, больше заинтересованные в словесной реконструкции утерянного земного «рая», чем в воссоздании реальной исторической картины, сколь некажиста она бы ни была. Кроме того, публицистическая агрессивность — неотъемлемая черта таких правдолюбцев, объединяющая всевозможных почитателей «старца», как катакомбных, так и патриархийных.

Подобный указанному выше подход к истории, увы, встречается и применительно к героям, казалось бы, совершенно далеким от Православия, в частности, к Василию Ивановичу Чапаеву. Удивительно ли это? Полагаю, что нет. Ведь принцип не страдает оттого, что его отстаивают, используя столь экстравагантные примеры. О каком принципе идет речь? Он очевиден: критерий истинности — любовь к России, то есть борьба с ее недругами и отстаивание ее интересов. Конечно, проблема заключается вовсе не в том, что маргиналы, в отличие от «тепло-хладного» большинства, любят Православие и Родину, научившись безошибочно определять и отделять врагов веры от друзей. Они громче других заявляют об этой самой любви, стремясь к разоблачению «устоявшихся мифов». Желание разоблачать, думается, одно из характерных черт маргинального сознания.

¹ Гроян Т. Мученик за Христа и за Царя Григорий Новый. Молитвенник за Святую Русь и Ее Пресветлаго Отрока. М., 2001. С. 639.

Собственно говоря, появившаяся недавно в православном журнале «Русский Дом» статья о В.И. Чапаеве блестяще иллюстрирует сказанное выше. Не случайно в подзаголовок этого журнала вынесены слова «Для тех, кто любит Россию». В статье «О чем молился Чапаев» легендарный комдив и член ленинской партии выставляется «праведным большевиком», воевавшим «за спасение русского народа от тотального истребления, которое начали силы тьмы задолго до Октябрьского переворота». Чапаев и при царе, и при большевиках защищал самых обездоленных, за что и был предательски убит. «Убийство совершили беляки, но организовали его... коммунисты»¹.

Как видим, схема достаточно традиционна: праведника окружают противники, стремящиеся его во что бы то ни стало уничтожить. Враги могут быть разных политических убеждений (вспомним, кстати, и врагов Григория Распутина), но они едины в главном — в своей изначальной ненависти к России и ее народу. Соответственно и Чапаев предстает таким освободителем народа, легендарным Ильей Муромцем XX века, подлинная история жизни которого стала известна лишь недавно. Здесь все похоже на сказку: и родился Чапаев недоношенным (семимесячным) и таким маленьким, что помещался в рукавичку (sic!), принимал ванну в деревянной кружке, вырезанной отцом специально для него. В детстве с отцом и братьями плотничал — строил храмы; однажды, устанавливая крест, упал с крыши, но не получил ни царапины, ни ушиба. Воспитанный в православной семье, Чапаев, оказывается, через всю жизнь пронес веру в Бога, перед каждым серьезным делом вопрошая Господа о помощи.

«Нам надо удивляться не тому, — пишет автор статьи, — что Василий Чапаев стал большевиком, а тому, что в столь лютых испытаниях он сохранил веру в Бога». Для доказательства этой пламенной веры приводится весьма любопытный пример: указывается, что когда комдив понял, что советская власть занимается истреблением собственного народа, то начал этому активно мешать: перестал выполнять приказы Л.Д. Троцкого, уводя дивизию от ненужных потерь, которых требовал главнокомандующий. Получалось, что Чапаев срывал тайный план большевистских вождей утопить

¹ *Дмитрук М.А.* О чем молился Чапаев // *Русский Дом. Журнал для тех, кто любит Россию.* 2002. № 2. С. 20.

Россию в крови. Результат известен¹. Уже не говоря о том, как один комдив мог срывать «тайный план» русофобствующей большевистской верхушки, стоит напомнить, как в 1918 г. этот борец за народное счастье подавлял «кулацко-эсеровские мятежи», то есть крестьянские антибольшевистские волнения. Кроме того, документы, на основе которых делаются удивительные заключения о православии Чапаева, никак не представлены; что они из себя представляют — из статьи совершенно неясно. И тем не менее, читателя уверяют, что стоит задуматься над тем, был ли Василий Иванович святым воином Христовым, очевидно склоняясь к положительному ответу².

Собственно, приведенные примеры — лишь доказательства того факта, что маргинализация вполне сводима к мифологизации. Не желая отказываться от идеи державности, вне зависимости от того, коммунистическое это наследие или нет, маргиналы стремятся найти «православную» (как им кажется) религиозную основу своих взглядов. Религиозная реабилитация «державников» в данном контексте может восприниматься нами как «норма патологии», ибо уже изначально акцент делается не на изучении действительно бывшего, а на его строго определенной «идейной» интерпретации. Не случайно, в «Сказании о житии блаженной старицы Матроны» 1993 г. издания содержится информация о встрече И.В. Сталина и блаженной, которая якобы состоялась осенью 1941 года. Результатом встречи и стало нежелание Сталина покидать осажденную врагом столицу. В «Сказании» указывается, что блаженная говорила и о том, что Господь, может быть, и помилует Сталина, ибо он сам «пленник» — «Кагановича и всех Тех»³. Великий вождь оказывается тайно православным, человеком, искренно желающим добра русскому народу, и подлинным создателем великой державы. В этом-то вся суть и заключена. За «державность» Сталину многое прощается, его начинают позитивно оценивать те, кто должен прежде всего вспоминать о сонме новомучеников, появившихся в Русской Церкви и благодаря активной богоборческой деятельности великого вождя.

¹ См. подр.: Там же. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Сказание о житии блаженной старицы Матроны. М., 1993. С. 26, 113-114.

Показательно, что ныне в России есть православные священники, специально подчеркивающие свое исключительно позитивное отношение к Сталину и считающие это вполне естественным для верующего человека-христианина. Их взгляды далеко не всегда осуждаются официально, что, к сожалению, создает ложное впечатление позитивного отношения Церкви к Сталину и сталинизму. В частности, такое впечатление могло сложиться у читателей интервью с петербургским иеромонахом Евстафием, настоятелем храма Святых апостолов Петра и Павла в Знаменке. Выступая в газете «Новый Петербург», отец Евстафий откровенно заявил, что кроме Отца Небесного в жизни у него было два отца — отец по плоти и «отец народов, который был строг, который судил, который, может быть ошибался, но который все равно, тем не менее, имеет для меня высокое имя моего отца как отца моей страны». Логика рассуждений в данном случае предельно проста и понятна: вождь боролся за великую страну, его величие состоит в том, «что он не поддался русофобам, что он гениально разгромил “верных ленинцев”-русофобов». Правда, вместе с ними (и гораздо раньше, чем они) пострадали тысячи православных клириков и сотни тысяч мирян. Но на это тоже есть адвокатский ответ: «Страна, населенная богоизбранным народом, должна не забывать о том, что на крови жертвенников стоит православный мир. Если кто-то из невинно расстрелянных — из священников, митрополитов, архиепископов и многих других — получил венец мученичества, то это и есть те дрожжи, на которых может взойти тесто нашего развития. И это тоже заслуга Сталина»¹. Соответственно, события 1920-1930-х годов — это время воспитания народа, равнодушно отнесшегося к низвержению святынь после прихода большевиков к власти. Изменилось время — и Сталин чутко отреагировал на те «мистические импульсы», которые были ему даны в годы Великой Отечественной войны: помог созвать Собор, избрать Патриарха, воссоздать Церковь.

Что и, главное, зачем хочет доказать отец Евстафий? Он хочет доказать, что Россия при Сталине стала великой страной и что роль Сталина-христианина в деле этого строительства исключительна и позитивна. В жестоком мире, в окру-

¹ *Иером. Евстафий*. Смертная казнь — помощь душе преступника // *Новый Петербург*. 28 июня 2001. № 26 (493). С. 4.

жении ненавистников русского народа, он сумел победить. Не случайно, на один из последних вопросов, заданный корреспондентом («Как можно заметить, особой ненависти и поношению у этих людей [демократов. — С.Ф.] подвергаются не только Иосиф Виссарионович Сталин, но и другие правители России, которые стремились к ее величию и решительно боролись с ее внешними и внутренними врагами. Например, Иван Васильевич Грозный»), пастырь ответил таким образом, что стало ясно: согласно его шкале ценностей Иван Грозный — один из лучших русских правителей, более того — «один из самых боговерующих русских руководителей». Не случайно Сталин считал его своим учителем, как и царь, полагая душу свою за други своя¹.

Круг, как видим, замыкается. Почитатели Сталина, как правило, являются и почитателями Ивана Грозного, тем более, что среди определенной части монархически настроенных маргиналов есть желание прославить царя в качестве святого². Удивительно, но монархические симпатии порой соседствуют с ностальгией по великому прошлому Советской страны, хотя особо акцентировать на этом внимание все же не стоит. Психологически подобное соседство вполне понятно: идеал «великой России» способен поглотить в глазах «державников» все остальное, включая различие в политической организации страны. Однако, как бы то ни было, мифотворчество в данном случае направлено не на восстановление прошлого, а на его объяснение. Да, это объяснение в основе своей мифологично и требует вольной исторической интерпретации, но интерпретация и сочинительство «того, чего не было» — явления, непосредственно не сопрягающиеся друг с другом.

Наиболее ярким примером сочинительства последних лет, по моему мнению, может служить «Житие преподобного Авеля прорицателя», в котором пересказ непроверенных (и в принципе непроверяемых) легенд XIX столетия соседствует с изложением истории о том, как узнал о своем будущем, прочитав предсказание Авеля, Николай II. Произошло это, якобы, 11 марта 1901 года — в столетнюю годовщину убий-

¹ Там же.

² Об этом см. подр.: архим. Макарий (Веретенников). По поводу настроений в пользу канонизации царя Иоанна Грозного // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 10. С. 74-78.

ства императора Павла I. После «он уже знал свою терновую судьбу, — говорится в «Житии», — знал, что недаром родился в день Иова Многострадального. Знал, как много придется ему вынести на своих державных плечах, знал про близ грядущие кровавые войны, смуту и великие потрясения Государства Российского. Его сердце чуяло и тот проклятый черный год, когда он будет обманут, предан и оставлен всеми...»¹ Эсхатологические мотивы звучат в «Житии» исключительно сильно, не случайно оно заканчивается изложением апокрифических сказаний, связанных с последним русским самодержцем, точнее — с приметам, свидетельствовавшими о его обреченности. Император в данном случае выступает в качестве символа старого правильного мира, который рушится под воздействием злых сил. При этом, зная о грядущем, Государь, судя по тексту, ничего не предпринимает, ожидая, когда выйдут «времена и сроки».

Для чего нужна такая благочестивая сказка? Как и любая сказка — для назидания. В нашем случае, казалось бы, для назидания в вере. Но может ли она назидать? Ведь в ней идет речь о реальных событиях и о реальных людях, чья жизнь, дополненная и исправленная совершенно фантастическими подробностями, оказывается жизнью, проходившей вне исторического контекста. Игнорирование исторического контекста, думается, и есть главная проблема такого рода литературы. Читая о прошлом, верующий приучается видеть в нем инореальность — ведь «Житие Авеля» явно не агиографическая повесть (хотя и претендует на это). Лубочное изложение истории монаха Авеля очевидно предполагает воспитание в читателе монархического чувства, но это чувство оказывается беззащитным перед любой критикой. Впрочем, расчет на возможную критику и не делается: текст предназначен для православного читателя, совершенно не умеющего мыслить и принимающего на веру все, что говорится как бы от имени Церкви.

На это же рассчитаны и псевдоправославные листовки монархической ориентации, порой открывающиеся декларативными заявлениями типа: «Пресвятая Богородица скорбит об отсутствии царской власти в России»². Впрочем, в этой листовке, посвященной отстаиванию монархического прин-

¹ Житие преподобного Авеля прорицателя. М., 1995. С. 145.

² Архив автора.

ципа, помещены фотографии чудесного явления Креста в поддержку молящихся против присвоения ИНН, тропарь Кресту и молитва за царя, краткая история странника, паломничающего с иконой святых царственных мучеников, и, наконец, краткие выдержки из различных текстов в поддержку Григория Распутина. Таким образом, монархизм определяется весьма недвусмысленно: это не только почитание царственных страстотерпцев, но и «старца» Григория, а также активная борьба с ИНН¹. Примечательно, что в конце листовки указан адрес сайта ее авторов-изготовителей, которые предлагают жертвовать для царского храма и указывают не только свой расчетный счет, но и ИНН (6228033501). Добавить к этому нечего.

Борьба «за чистоту» и «правильность» веры порой приводит к опасным курьезам, таким, например, как стремление канонизировать трагически погибшего певца и композитора Игоря Талькова. Несколько лет тому назад в Москве был издан даже «Акафист славному сыну Российской Земли, страстотерпцу и мученику Игорю Талькову», в котором в псевдожитийной форме излагалась и биография певца. Безымянный автор в традиционной для маргиналов манере старается показать и доказать, что И. Тальков стал жертвой врагов России и был «так же подло убит, как все те, кто осмелился назвать Русский народ Великим»². Тальков показан подлинным светочем веры, приведшим десятки тысяч молодых людей к храму и ставшим «нашим Знаменем, нашим незримым полководцем в борьбе за полное и окончательное избавление России от зла и Ее Возрождение во Славу Святой Единосущной и Животворящей Троицы»³.

Жесткий дуализм, противопоставление добра и зла удивлять, разумеется, не может. Это противопоставление и не вызвало бы никакой реакции и не привлекло бы дополнительного внимания, если бы в его основе не было бы политического основания. Как известно, с маргинальностью традиционно связывают негативные психические состояния (бес-

¹ Более подробно об истории борьбы против получения ИНН см.: За право жить без ИНН // Международная академия «Информация, связь, управление в технике, природе, обществе». СПб., 2000. Вестник № 11-3С.

² Акафист славному сыну Российской Земли, страстотерпцу и мученику Игорю Талькову. М., б/г. С. 13.

³ Там же. С. 14.

покойства, стесненности и т. п.). В рассматриваемом случае подобные состояния порождаются именно политической неудовлетворенностью, «внешняя» борьба рождает веру. Через победу над внешним злом — к внутренней гармонии. Без «темных сил» (вполне конкретных и даже национально узнаваемых), точнее сказать, без сражения с ними картина становится неполной. В этом, к сожалению, и заключается проблема. При этом И. Тальков показан не только великим воином Христовым, но и любимым чадом Богородицы, страстотерпческий (!) подвиг которого Она воспекает в посмертной (!) песне самого певца¹.

Впрочем, для маргиналов строительство великой России — это не только политическая борьба со злом; это также попытка воспитать настоящего верующего, причем не только идейно, но и телесно. В этом, конечно, ничего предосудительного нет, скорее наоборот. Все дело в том, как представляется процесс подобного воспитания и что берется (в качестве материала) для его популяризации в православной среде. Например, стремление привлечь биологию порой оказывается весьма непродуктивным и в любом случае некорректным. Я имею в виду популяризацию так называемой «науки о девственности» — телегонии. К примеру, в некоторых храмах Петербурга бесплатно распространяется листовка, которая так и называется «Наука о девственности. Телегония»². Материал посвящен отстаиванию благородной цели — доказательству того, насколько важна для девушки девственность, ведь «решающее влияние на потомство женщины имеет первый в ее жизни мужчина». Приводятся примеры скрещивания лошадей с зебрами, приведшие в конце концов к рождению полосатых жеребят (хотя первый опыт и не удался), работы ученых XIX века Флинта и Феликса Ладантека, материалы из истории собаководства и из истории разведения голубей. В итоге констатируется, что эффект телегонии (якобы по мнению беспристрастной науки) распространяется и на людей. Но, указывается в листовке, это открытие было спрятано, «так как приоткрывало таинственные завесы судеб множества людей — простых и великих». Для лучшего понимания истинности телегонии напоминает о

¹ Там же. С. 30-31.

² Прот. Николай Головкин. Наука о девственности. Телегония // Ковчег. Монастырская православная газета.

внебрачных связях русских девушек с заезжими гастролерами — на международных фестивалях, спортивных олимпиадах и подобных мероприятиях, в результате чего эти «девушки стали рожать от белых генетически здоровых СВОИХ мужей — детей “ни в мать, ни в отца, а в черного и дебильного молодца”». Автор листовки называет и «скрытые плоды добрачных половых связей — наркоманов, токсикоманов, гомосексуалистов или психически неполноценных, бесноватых придурков-детей».

Подобные заявления, звучащие из уст служителей Православной Церкви, — явление весьма опасное. Эти заявления способны не столько поддерживать идею целомудрия, сколько распространять весьма далекие от науки слухи и породить всевозможные фобии. Одно указание на «черного и дебильного молодца» чего стоит! Кроме того, автор листовки не имеет ни малейшего понятия о субстрате наследственной информации, а также о том, что эти данные в конце XIX столетия отсутствовали (даже труды Менделя тогда еще не признали). Порочной следует признать эксплуатацию идеи о влиянии души на генотип, ведь в таком случае оказываются «за бортом» современные исследования в области генетики, биохимии, концепция стабильности структуры ДНК; игнорируется наличие ферментных систем, обеспечивающих постоянство состава ДНК и репарацию возникающих так или иначе дефектов.

Еще один вопрос, законно возникающий при чтении листовки: почему влияние первого в жизни женщины мужчины (если он не становится ее мужем) не приводит к формированию грубых наследственных пороков (таких, как синдром Дауна, Клайнфельтера, кошачьего крика и т. п.), а только тех или иных видов отклоняющегося поведения, возникающих в ряду будущих поколений за счет мультифакториального механизма наследования? Очевидно, что серьезных ответов на поставленные вопросы получить не удастся. Листовка направлена на активацию мнения наименее образованной и внушаемой части населения и ничего, кроме агрессии против «распутных женщин», вызвать не может. Тем более, что в так называемой народной психологии «испорченная женщина» — это практически ничем не смываемое клеймо. В данном случае главная цель — испугать, а уже потом — исправить и направить на путь покаяния.

Этот прием давно и хорошо известен в психологии. Он лишь доказывает, что агрессивность по отношению к «миру» не всегда бывает оправданной, ибо, отвергая зло мира, маргиналы, как правило, с подозрением смотрят и на человека, в нем живущего. Заповедь любви к ближнему, таким образом, может получить новую интерпретацию и восприниматься как задача по исправлению ближнего — без учета того, как к этому может относиться и как это может понимать сам исправляемый. В сказанном, вероятно, стоит искать корни и такого сложного, опасного явления, как младостарчество. Тем более, что «психопатический субъект чрезвычайно восприимчив в эмоциональной сфере. Он легко становится одержимым. Его представления имеют тенденцию немедленно претворяться в веру и действие; и если он обрел новую идею — для него нет покоя до тех пор, пока он не заявит о ней во всеуслышание или не воплотит ее в жизни»¹.

И последнее. Говоря о маргинализации сознания в современной религиозной жизни России нельзя забывать о многочисленных псевдоправославных группах и сектах, гордо именующих себя «православными церквами». На сегодняшний день таких объединений в России более двадцати. Некоторые публицисты даже пытаются ввести специальный термин, с помощью которого можно определить всю совокупность этих объединений, используя для этого выражение «альтернативное православие»². Однако, как мне кажется, его использование некорректно. Во-первых, православие не бывает «альтернативным» (даже если речь идет прежде всего о формально-юридическом аспекте — неподчинении официальной Русской Православной Церкви). Во-вторых, под альтернативой понимается несогласие «истинно-верующих» с политической линией «сергиевской» Церкви эпохи большевистских антирелигиозных гонений. По существу это современное издание ереси донатизма (при всей условности настоящего сравнения). В любом случае, работы на исторические и историко-догматические темы абсолютного большинства представителей и последователей «альтернативного православия» заслуживают того, чтобы их отнести в разряд маргинальных. В качестве примера стоит привести вестник истин-

¹ Джемс В. Многообразие религиозного опыта. М., 1910. С. 19-20.

² См. подр.: Альтернативное православие. Справка // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 206-212.

но-православных христиан «Русское Православие», выходявший с 1996 по 2002 гг. (всего увидело свет 23 номера). На его страницах публиковался преимущественно разоблачительный материал, а также «документы», подтверждающие правомочность притязаний «истинно-православных» на каноничность и правопреемственность от дореволюционной и «тихоновской» Православной Российской Церкви.

Еще более экстравагантны работы адептов «Церкви Божией Матери Преображающейся»: «Красная Патриархия. Волки в овечьей шкуре» (М., 1993), «Катакомбная Церковь-мученица» (М., 1996) и др. Названия говорят сами за себя, пафос понятен: показать, что Русская Православная Церковь не имеет права называть себя наследницей великих традиций Русского Православия. Деление на врагов и друзей — четкое и ясное. Историческая правда густо замешивается на эсхатологических предчувствиях, которые в текстах доминируют.

Подведем итоги. В маргинальных кругах, будь это представители традиционного или «альтернативного» православия, мы наблюдаем совершенно явное стремление к мифологизации истории, осуществляемое с корыстными (хотя и не всегда осознаваемыми в качестве таковых) целями. Прошлое абсолютизируется, а настоящее рассматривается через призму искусственно сконструированных понятий о том, что есть историческая правда и как она проявляет себя в этом мире. Маргиналы, как правило, увлечены реконструкцией прошлого, забывая о том, что реконструкция не есть созидание. Воссоздание «потонувшего мира» (хотя бы в некоторых фрагментах) есть основная цель, к которой они стремятся, продвигаясь вперед с повернутой назад головой и забывая печальную и поучительную судьбу жены Лота (Быт 19:26).